

Новогодняя елка и фолежная икона: неочевидное родство и социальные биографии

Рекомендация для цитирования:

Антонов Д. И. Новогодняя елка и фолежная икона: неочевидное родство и социальные биографии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 232–248.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-232-248>

For citations:

Antonov, D. I. (2024) “The New Year Tree and the Foil Icon: Non-Obvious Kinship and Social Biographies”, *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(3): 232–248.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-232-248>

Поступила в редакцию: 18.05.2024; прошла рецензирование: 10.10.2024; принята в печать: 16.10.2024.

Received: 18.05.2024; Revised:

10.10.2024; Accepted for publication: 16.10.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

ДМИТРИЙ И. АНТОНОВ

РГГУ, РАНХиГС (Москва, Россия).

antonov-dmitriy@list.ru

ORCID: 0000-0002-8081-4420

В статье рассматриваются два объекта, которые распространились в Российской империи в первой половине XIX в. и, казалось бы, имели немного общего: рождественские елки и иконы-киотки (религиозные образы в деревянных киотах, украшенные фольгой). Как показывает автор, с первых же десятилетий своего существования эти гибридные артефакты оказались связаны друг с другом по многим параметрам. Их объединяли используемые материалы — фольга, бумага, хромолитографические образки и др.; принципы украшения — прежде всего имитация драгоценных металлов, использование недорогих сверкающих декоративных элементов; промыслы и производственные практики, которые снабжали их этими элементами. Морфология и символика рождественской елки были тесно завязаны на христианском контексте и очевидно сближались в этом с иконой. Наконец, практики взаимодействия с этими объектами и эмоциональные регистры, связанные с ними, также имели много общего. Религиозный и около-религиозный домашний объект на протяжении XIX в. развивались по близким траекториям. После революции, на волне антирелигиозных кампаний, большевики пытались истребить эти артефакты и обряды, в которых они были задействованы. Однако и икона, и рожде-

ственское дерево пережили гонения 1920-х и 1930-х гг. и адаптировались к новым культурным и материальным условиям. Морфология советской елки и советской иконы вновь оказалась родственной. В дальнейшем иконы стали заимствовать элементы сначала от дореволюционных, а затем и от советских елок, что еще больше сблизило эти бриколажные объекты. Наконец, в последние десятилетия советская елочная игрушка и советская икона переживают сходные сценарии, превращаясь в культурный, научный и музейный объект.

Ключевые слова: икона, рождественская елка, новогодняя елка, игрушка, советские иконы, комплексные святыни, ризы, оклады

The New Year Tree and the Foil Icon: Non-Obvious Kinship and Social Biographies

Dmitriy I. Antonov

Russian State University for the Humanities; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

antonov-dmitriy@list.ru

ORCID: 0000-0001-5387-9387

The article examines two objects that spread in the Russian Empire in the first half of the XIX century and, it would seem, had little in common: Christmas trees and kiotki icons (religious images in wooden kiotki decorated with foil). As the author shows, from the very first decades of their existence, these hybrid artifacts turned out to be related to each other in many ways. They were united by the materials used — foil, paper, chromolithographic images, etc.; The principles of decoration are, first of all, imitation of precious metals, the use of inexpensive sparkling decorative elements; crafts and production practices that supplied them with these elements. The morphology and symbolism of the Christmas tree were closely tied to the Christian context and obviously converged in this with the icon. Finally, the practices of interacting with these objects and the emotional registers associated with them also had a lot in common. The religious and near-religious home object developed along similar trajectories throughout the 19th century. After the revolution, in the wake of anti-religious campaigns, the Bolsheviks tried to destroy these artifacts and the rituals in which they were involved. However, both the icon and the Christmas tree survived the persecution of the 1920s and 1930s, and adapted to new cultural and material conditions. The morphology of the Soviet Christmas tree and the Soviet icon turned out to be related again. Later, the icons began to borrow elements first from pre-revolutionary, and then from Soviet Christmas trees, which brought these bricolage objects even closer.

Finally, in recent decades, the Soviet Christmas tree toy and the Soviet icon have been experiencing similar scenarios, turning into a cultural, scientific and museum object.

Keywords: Icons, Christmas tree, Christmas toys, Soviet icons, icon covers, decorations

В ЭТОЙ статье я хотел бы поговорить о двух комплексных объектах, которые возникли в России практически в одно время и на протяжении двух столетий имели схожую биографию. Речь пойдет о фольговых иконах-киотках и о рождественских (а в советское время — новогодних) елках. Как я постараюсь показать, их роднит не случайное подобие или серия курьезных совпадений — и в XIX в., и в эпоху СССР эти брикажные объекты были связаны множеством нитей. Их материальная и социальная история ярко отражает те процессы, которые в разные периоды происходили в стране.

XIX век: елка, икона и народные промыслы

Впервые десятилетия XIX в. в России широко распространились два новых типа объектов, которые предполагали украшение яркими, сверкающими и разноцветными материалами — не драгоценными, а имитирующими драгоценные. Довольно быстро их судьбы начали сплетаться и развиваться по сходным сценариям.

Первый объект — рождественская елка. Моду на нее Россия унаследовала от Германии. Оттуда же приходили игрушки и украшения разного типа. Для их изготовления использовались воск, бумага, папье-маше, фольга, стекло и другие недорогие, но яркие (раскрашенные, сверкающие) материалы. В большинстве их поставляли из той же Германии, но постепенно, во второй половине XIX в., в России начало развиваться местное кустарное производство, в которое включились стеклодувы и другие мастера. Созданием рождественских игрушек занимались даже старообрядцы (к примеру, такой промысел расцвел в старообрядческой д. Данилово под Павловским Посадам¹).

1. Сальникова А. История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2011. С. 69.

Алла Сальникова, анализируя елочные игрушки XIX — начала XX в. (как импортные, так и русские), отметила их ключевую особенность. В основной массе елочные украшения — это небольшие объекты, которые отражали свет, искрились, сверкали и имитировали драгоценные металлы (в самых богатых домах некоторые игрушки действительно были изготовлены из них). Описывая или вспоминая рождественские елки, дети и взрослые восхищались тем, что в них «много золота, серебра и блеска»².

Украшения не только импортировали и изготавливали кустарным/артельным способом в России — их делали в домашних условиях из подручных материалов (фольги, бумаги и проч.). Руководства по созданию таких украшений публиковали журналы по домоводству, рукоделиям и другому «женскому искусству»³.

Второй объект появился практически одновременно с рождественской елкой, в первой половине XIX в. В это время в России начали быстро распространяться иконы нового типа, которые вскоре заполняют рынок и станут популярнейшим типом моленных образов. Это иконы-«киотки» или «фолежки» — помещенные в деревянный ящик-киот, богато украшенные фольговым декором и закрытые стеклом. Как мы уже писали в серии работ, причина их популярности крылась в нескольких особенностях. Во-первых, они копировали богато украшенные храмовые иконы, покрытые золотыми и позолоченными украшениями, завешенные votivными дарами, «привесами» и «прикладами». Во-вторых, они отражали свет и буквально «загорались» в красном углу крестьянской избы или небогатого городского дома — для этого достаточно было запалить рядом с ними даже неяркую лучину. Наконец, что принципиально для широкого спроса, они были весьма доступными по цене⁴.

Стратегия украшения икон-киотов генетически восходила к средневековым практикам. Почитаемый религиозный объект — изображение и скульптуру, книгу или реликварий-мощевик — стремились «одеть», декорировав самыми яркими и статусными материалами. При этом само изображение нередко оказывалось практически невидимым. Закрытое ризами, украшениями, тканями, увешанное дарами, помещенное в киот (а иногда в несколько

2. Там же. С. 46, ср.: 15–17.

3. Там же. С. 38–39, 44.

4. См.: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023. С. 10–31.

киотов), оно воспринималось не само по себе, но в органическом единстве со всем комплексом предметов, которые его окружали, дополняли и формировали его расширенное «тело». Такой способ почитания и одаривания святынь характерен для разных религиозных традиций, в том числе и для христианства, начиная с первых веков его легализованного существования⁵.

С распространением массовой, дешевой «расхожей» иконы в Новое время традиции ее украшения адаптировались к рынку и спросу. Вместо ценных металлов и камней начали использовать их сублиматы — материалы, имитировавшие золото, серебро и прочие драгоценности. Для этого применяли дешевые металлические сплавы, тонкую жечь, декор из гипса, дерева и других материалов, часто покрытых яркими красками или позолотой. Синкретическое единство иконной доски, оклада (киота) и украшений определяло облик большинства религиозных образов — как дорогих храмовых, так и «расхожих» домашних. Иконы воспринимали и описывали как комплексный гибридный объект, а вовсе не «чистое изображение»⁶.

Рождение массовой иконы-киотки произошло благодаря изобретению фольги — максимально тонкого и дешевого листа металла. Ее гальванизировали так, что по цвету она напоминала золото или бронзу. Довольно скоро с помощью фольги мастера начали создавать сложные декоры, имитируя украшение храмовых икон, узоры и орнаменты, распространенные в церковном искусстве своего региона. Из локального монастырского и артельного ремесла родились крупные промышленные центры с яркими стилистическими и ремесленными особенностями. Иконы-киотки создавали миллионами, распространяли по всей стране и вывозили за рубеж. В некоторых областях мастера копировали в фольге даже целые храмовые интерьеры с занавесями, колоннами и другими архитектурными элементами (как на западе Тверской губернии — в Торжке, Осташкове, Нило-Столобенской

5. См. об этом, к примеру: *Цигаридас Е. М., Ловерду-Цигарида К.* Священная Великая обитель Ватопед — Византийские иконы и оклады / Пер с греч. Захаровой А. В. М.: ИП Верхов С. И., 2016. С. 267–281; *Стерлигова И. А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. М.: Прогресс-Традиция, 2000; *Стерлигова И. А.* Икона как храм: пространство моленного образа в Византии и древней Руси // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 612–637.
6. Подробно об этом см.: *Антонов Д. И.* Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.

пустыни). Их изготавливали не только для бедных покупателей, но и для относительно состоятельных заказчиков, и для храмов.

Как и в случае с елочными украшениями, изначально фольгу ввозили из Европы. Но с развитием российских фольгопрокатных заводов произошло резкое удешевление материала. Это вызвало массовое распространение в российских губерниях промыслов, связанных с фолежным декором⁷.

В подборе, использовании материалов и в принципах работы с ними наметились первые пути сближения рождественской елки и фолежной иконы. Для создания обоих комплексных объектов активно задействовали фольгу как самый доступный из блестящих квазидрагоценных материалов. Но параллельно и в елочном, и в иконном декоре распространились украшения из цветной бумаги, воска и бисера. Их использовали не только профессионалы, работавшие в монастырских и сельских мастерских, в ремесленных артелях, но и любители — прежде всего женщины и дети. Популярными изданиями для женщин стали включать инструкции по изготовлению как рождественских игрушек, так и украшений для икон — большей частью искусственных цветов (которые использовали также в венчальной и погребальной обрядности).

Еще одним общим элементом декора стали свечи. На рождественской елке они были непременным атрибутом — елка должна была «гореть», а игрушки — блистать отраженным светом. Фолежная икона тоже отражала свет от зажженной рядом свечи или лучины. Кроме того, свечи оказывались и внутри киота, причем как реальные, так и искусственные. Реальные вставляли под стекло киоток после обряда венчания. Искусственные делали из фольги, бумаги и других материалов — они имитировали большие храмовые свечи, стоящие в высоких подсвечниках перед почитаемой церковной иконой.

Что касается самих моленных образов, то в большинство киотов интегрировали печатные иконки — хромолитографией на бумаге или жести. Одновременно такие же хромолитографии в виде фигурок людей или ангелов начали использовать в качестве елочных украшений. Печатные рождественские игрушки называли «облатки» и «хромосы»⁸. Расположенные меж еловых ветвей,

7. См. подробнее: *Доронин Д. Ю.* Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2024. № 3. С. 100–135.

8. *Сальникова А.* История елочной игрушки. С. 56–59.

свечек и фольговых украшений, они визуально перекликались с хромофотографическими образками в центре икон-киотов, где их тоже окружали свечи, фольга и растительный декор.

Разумеется, стратегии украшения и «одевания» чего-либо или кого-либо в яркие, недорогие, но визуально привлекательные материалы существовали и в других культурных областях. Прежде всего, это относится к моде — недаром украшение икон и скульптур на Руси называли «одеванием» и «переодеванием», по аналогии с облачением человеческого тела⁹. «Обряжение» елки тоже могли уподоблять обряжению невесты перед торжеством. Однако с распространением рождественских деревьев ситуация перевернулась — они сами стали основой для метафор. С «наряженной елкой» в XIX в. начали сравнивать праздничные и торжественные костюмы, не только женские, но и мужские, к примеру мундир, увешанный орденами¹⁰.

Общие принципы — манифестировать красоту через разноцветие и блеск, имитировать драгоценные материалы — диктовали сходные решения. Массово распространившиеся рождественские ели и фольговые иконы легко приспособили под себя некоторые из украшений, уже существовавших в области моды. Они гармонично встроились в общую экономику народных промыслов, а затем начали менять их под свои потребности. Так, искусственные цветы и венок невесты с восковыми бутонами флердоранж легко перекочевали в XIX в. с венчального наряда невесты в иконные киоты. Детские игрушки и праздничные угощения в ярких обертках «поселились» на елочных ветвях. А вскоре цветы начали изготавливать специально для икон, а игрушки — специально для рождественских деревьев. При этом, в отличие традиционных нарядов, от костюма невесты, иконы и елки использовали прежде всего новые, только что появившиеся и крайне значимые для них материалы — фольгу и хромофотографию.

Что еще важнее, икона и елка были тесно связаны с христианской символикой. Рождественское дерево — околорелигиозный объект, не только приуроченный к празднику Рождества, но и активно эксплуатирующий его символику. Наряженная елка была буквально переполнена христианскими образами и ассоциациями: на ее макушку водружали Вифлеемскую звезду, располо-

9. Антонов Д. И. Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киотов».

10. Сальникова А. История елочной игрушки. С. 46.

женная внизу крестовина нередко имела изображение Распятия, а на елочных ветвях висели фигурки ангелов, свечи, колокольчики, напоминающие церковные колокола. Даже фрукты и птицы, развешанные на ветках, в этом контексте могли, вполне предсказуемо, ассоциироваться с райским деревом, каким его описывала религиозная литература и изображала живопись (от икон, фресок, миниатюр, до иллюстраций детских книг)¹¹. Наконец, под елкой часто сооружали вертеп.

Рождественское дерево XIX — начала XX в. и морфологически (материалы, элементы декора), и символически напоминало комплексную икону. Причем не только фольговую киотку, но и богатый храмовый образ, закрытый драгоценными ризами, увешанный вотивными дарами и окруженный горящими свечами. Хотя елка оказывалась в домашнем пространстве и не требовала поклонения, эмоционально она вызывала спектр чувств, схожий с церковной святыней. По множеству воспоминаний, относящихся к дореволюционным десятилетиям, елка была окружена ореолом таинственности, торжественности и благоговения — с той лишь разницей, что весь этот регистр эмоций был перенесен в детскую среду. Взаимодействие с елкой — ее украшение и «одаривание» (квази)драгоценными предметами, возжигание свечей, размещение на ней / рядом с ней еды и мелких предметов, а затем использование их в качестве желанных даров отчасти копировало взаимодействие с иконой. Некоторые дети, по собственным воспоминаниям, молились ангелочкам с рождественской елки¹².

Это сближение и в материальном, и в семантическом аспекте в целом понятно. Однако дальнейшая история рождественских елок и икон-киоток оказалась не менее интересной. После революции и образования СССР, в совершенно новых культурных и материальных условиях, праздничная дерево и фольговая икона оказались связаны уже по другим принципам. Их «родство», наметившееся в XIX столетии, неожиданно упрочилось.

Эпоха СССР: новые связи и общие решения

Борьба с религией, развернутая коммунистами в 1920-е, а затем с новой силой в 1930-е гг., привела не только к повсеместному за-

11. Там же. С. 47–48.

12. Там же. С. 51.

крытию храмов, монастырей и массовым репрессиям, но и к уничтожению церковных ремесел, промыслов, рынка — всей церковной и околоцерковной инфраструктуры. Параллельно шли активные кампании, направленные на то, чтобы вытравить в новом государстве религиозные традиции, праздники, символы и дискурсы. Естественно, что Рождество и рождественское дерево оказались под запретом. Идеологическая пропаганда, акции воинствующих безбожников, запретительные действия властей и даже попытка смены календаря на пятидневный, исключавший воскресенье как праздничный день, казалось бы, должны были привести к резким изменениям. Однако несмотря на все усилия, коммунисты очевидно проигрывали борьбу. Обряды сохранялись, адаптируясь к новой среде — в том числе и в отсутствие духовенства. Праздники продолжали отмечать. Перед Рождеством в советских магазинах стояли огромные очереди, рождественские елки тайно ставили даже в годы жестких гонений. В 1940-е гг., когда антирелигиозная политика пошла на спад, Рождество начали праздновать еще шире.

Сохранение христианских обрядов предполагало спрос на религиозные артефакты, которые, разумеется, отсутствовали в продаже. В 1920-е гг. еще можно было обходиться старыми запасами, но дальше проблему нужно было принципиально решать. Необходимые предметы стали изготавливать кустарно, из новых материалов, приспособлявая для этого все доступное, включая заводскую продукцию. Так родилась советская икона — продукт товарного дефицита и гонений на религию. Мастера использовали любой доступный религиозный образок, чаще всего хромо-литографию, а в послевоенные десятилетия — фотографические иконки, и создавали новые киотки, дочерние варианты дореволюционных комплексных икон.

Советская икона — бриколажный объект. Она строилась из сочетания разнородных предметов, которые были в доступе у сельского мастера. Некоторые происходили из XIX в., другие из материального быта советского села. Принципы их подбора заключались в том, что материал должен был быть а) блестящим, напоминающим драгоценные металлы (фольга, стекло), б) ярким (разноцветная материя и бумага), в) дешевым и доступным. Различное сочетание таких материалов определяет облик большинства икон советской эпохи.

В селе многие из таких предметов обладали высоким статусом как городские по своему происхождению — чаще всего это

была продукция школьной и пищевой промышленности¹³. Почти все, недавно появившееся в продаже и удовлетворявшее двум ключевым качествам (сверкание и цветовая яркость) — будь то обои, конфетные фантики, бижутерия или обложки тетрадей — старались приспособить для декорирования религиозных артефактов. При этом элементы декора XIX века, вплоть до золотого шитья, нередко закрывали более яркими и современными, а потому более статусными и выигрышными материалами¹⁴.

Близкие процессы происходили с рождественским деревом. После завершения неудавшейся борьбы, в 1930-х гг. ее решили не запретить, а заместить, привязав к другому празднику — Новому году — и наполнив советской символикой вместо религиозной. В результате родилась советская новогодняя елка. Параллельно в семьях верующих, на периферии официальной культуры, продолжила существовать и елка рождественская. При этом им обоим — как и иконам — пришлось адаптироваться к новым материальным условиям.

Жесткий товарный дефицит возник вскоре после революции — на фоне войны, голода и экономических экспериментов коммунистической власти. Он продолжился и в 1930-е гг., уже на волне коллективизации и нового массового голода, и в 1940-е, на фоне новой войны. Все это привело к тому, что для изготовления украшений начали использовать низкостатусные, но единственно доступные материалы. Новогодние игрушки стали делать из импортных жестяных банок из-под сгущенного молока, шары — из старых электрических лампочек и прочих вещей, которые раньше расценивались как отходы и мусор, а в новых условиях оказались ценностью из-за того, что могли блестеть или подходили для раскрашивания. В качестве елочных украшений на равных правах использовали: а) старые, дореволюционные игрушки, б) кустарные, самодельные, изготовленные из подручных материалов, в) мелкие детские игрушки, «превращенные» в новогодние. Все они, сочетаясь в сложные бриколажи, определя-

13. Антонов Д. И. Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 7–26.

14. См. пример в: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. С. 162–165. Подробнее о символическом статусе материалов в советских иконах: Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.

ли лицо новой елки, где хромолитографические ангелочки легко соседствовали с шариком из консервной банки, а Вифлеемская звезда — с пятилучевой красной звездой¹⁵.

Вплоть до 1960-х в СССР елочные игрушки производили в основном вручную, небольшими артелями. Украшения делали в том числе из отходов производства — жести, проволоки и даже из бинтов¹⁶. Бриколажность начала прочно ассоциироваться с советским новогодним деревом. «Самое замечательное в елке, — писал методист Наркомпроса, — это веселое содружество различных вещей»¹⁷.

Аналогичные процессы определяли и конструирование советских икон. Эти бриколажные объекты, как я уже отмечал, строились на сочетании дореволюционных и новых советских материалов. Низкостатусные вещи превращались в ценность, если могли быть приспособлены для создания блестящего и разноцветного декора. В 1930-е — 1950-е гг. иконы декорировали лыком, мочалом, которое прокрашивали дешевыми красителями. Вместо прочной, яркой гальванизированной фольги, из которой прежде изготавливали сложные оклады, в ход шли тонкие и маленькие кусочки оберточной фольги — от чая, конфет, папирос и т.п. (такую же фольгу использовали и на елках). Все это комбинировали с дореволюционными хромолитографиями и другими сохранившимися элементами иконного декора XIX — начала XX в.

Во второй половине XX в. в советском селе появляется все больше новых ярких и качественных материалов. В эти десятилетия формируются локальные традиции советской иконы. Качественная толстая фольга с советских заводов, разноцветная гофрированная бумага и другая заводская продукция позволила создавать прорезные, пробивные и чеканные оклады, сложные бутоны и разнообразный растительный орнамент. Параллельно те же материалы использовали для изготовления елочных игрушек.

Чтобы создавать фолежные иконы со сложным декором, необходимо было иметь подходящие инструменты. На помощь приходили самые разные советские вещи. Резные шляпки мебельных гвоздей, пуговицы, дно рюмок, патроны и прочие, по-

15. Сальникова А. История елочной игрушки. С. 79, 101–105, 115.

16. Там же. С. 108, 120.

17. Там же. С. 153.

рой самые неожиданные предметы приспособляли для тиснения узоров по фольге. Чтобы сделать прокатку — колесико с мелкими шипами, закрепленное на ручке и позволяющее нанести прямой ряд мелких точек — использовали часовые колесики от советских будильников, закрепленные на ручке или карандаше.

Эти стратегии абсолютно характерны для советской эпохи. В состоянии постоянного дефицита мастерить руками, переделывать приходилось практически все — от бытовых предметов до автомобильных деталей и дачных домов. Советские издания учили, как смастерить необходимые и удобные в быту вещи из других вещей; как приспособить узкий набор материальных объектов, доступных в советской продаже, к ежедневным потребностям человека. Сергей Голубев верно отмечал, что «советская материальность» оказывалась необычайно динамичной: «В позднесоветской культуре любая вещь могла превратиться во что угодно, поэтому прежде всего рассматривалась как сырье или набор деталей, даже если была совершенно новой»¹⁸.

Убранство советской елки и советской иконы совпадали и в большинстве используемых материалов, и в принципах их изготовления, и в принципе подбора и сочетания декоративных элементов. Разница лишь в том, что в иконе советская символика и семантика не могли выходить на первый план и были скрыта. Вырезка из газеты с коммунистическими лозунгами и политическими статьями выстилала киот изнутри. Надписи на фантиках (конфеты «Салют», «Победа» и т. п.) были плохо видны, когда фантики скручивали в цветочные бутоны. Советские вещи наполняли икону, но не заявляли о себе. На елке, напротив, они могли открыто говорить со зрителем, в то время как дореволюционные игрушки с религиозной символикой уходили на задний план и не манифестировали свои христианские смыслы.

18. Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 71.

Ил. 1. Ангел — дореволюционное украшение рождественской елки как основа для советской иконы.

Этим не закончилось сближение между новогодней советской елью и советской иконой. С течением лет елочный декор стал все активнее проникать в сами киоты. Это началось не позднее середины XX в., когда наметился очевидный дефицит моленных образов. Хромолитографические ангелочки, которые до революции висели на рождественском дереве, прекрасно подходили в качестве основы для иконы. Советские мастера закрепляли их в киоте, обряжали лыком, бумагой или фольгой, и создавали икону из елочного украшения (ил. 1).

Со второй половины 1960-х гг. советская промышленность наладила массовый выпуск новогодних игрушек, мишуры, гирлянд. Постепенно, в 1970-е гг., они начали вытеснять и кустарные, рукодельные игрушки советских лет, и дореволюционные рождественские. А спустя десятилетие, в 1980-е гг., когда эта новогодняя продукция массово проникла в села и стала предельно дешевой, аналогичный процесс охватил и советские иконы. В них все чаще начали интегрировать уже не изготовленный вручную фолежный декор, а купленный в магазине блестящий серпантин, мишуру, гирлянды, разбитые на осколки и посаженные на клей стеклянные шарики (ил. 2). Рукодельные бутоны, восковые ягоды стали заменять пластиковыми цветами и искусственными елочными ветками, которые тоже в изобилии распространились в провинции. В результате и елка, и икона в последнее советское

десятилетие начали медленный дрейф от сложного, гетерогенного в морфологическом и в символическом плане бриколажа к более-менее единому комплексу, состоящему из промышленно изготовленных элементов (ил. 3).

Ил. 2. Икона, украшенная елочным серпантинном и матерчатыми цветами.

Ил. 3. Икона с пластиковыми цветами.

В это же время в некоторые иконы начали вставлять и цельные советские елочные игрушки: шишки, стеклянных снеговиков, человечков, космонавтов и т. п. В отличие от мишуры и гирлянды, у них была четко обозначенная новогодняя, светская символика, которую уже не прятали (ил. 4, 4-1, 4-2). Иконы такого типа максимально походили на традиционную советскую елку, где Вифлеемская звезда соседствовала с красной, а парящие ангелы — со стеклянными тракторами.

Ил. 4, 4-1, 4-2. Икона с бумажными и пластиковыми цветами.
Внизу в киоте — советские елочные игрушки: снеговик
и космонавт.

Все это продолжалось недолго: после краха СССР, в 1990-е гг. и советские иконы, и елочные украшения стали уходить в прошлое. Их место занимали покупные объекты: яркие елочные украшения (чаще всего китайские) и печатные софринские иконы. Советские киотки начали ритуализированно уничтожать. Советские игрушки — выбрасывать. Бриколажные, рукодельные объекты превратились в нелепый, немодный, ненужный пережиток трудной эпохи.

Но по прошествии времени ситуация изменилась. В 2010-е гг. начали появляться исследования, посвященные советской елке. Игрушки эпохи СССР стали предметом коллекционирования и экспонирования. Алла Сальникова отмечала эти процессы уже на момент публикации ее книги в 2011 г. Спустя десятилетие то же произошло с советской иконой. С момента открытия и концептуализации этого явления нашей исследовательской группой в 2021 г., когда понятие «советская икона» было введено и обосновано, началось описание истории, социальной, материальной и культурной специфики артефактов, ситуация сильно изменилась. Были опубликованы две монографии и десятки статей, крупные выставки прошли в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Советские иконы стали объектом массового внимания, а их символический и культурный статус начал быстро расти. Вслед за елочной игрушкой советские иконы начали перемещаться из старых сараев в частные коллекции.

* * *

Появившись в одно время — в первые десятилетия XIX в., рождественская елка и икона-киотка оказались связаны друг с другом во многих аспектах. Их объединяли и используемые материалы, и принципы украшения, и промыслы, которые снабжали их декоративными элементами. Их морфология и символика пересекались, а связанные с ними практики и эмоциональные регистры имели много общего. Такое сближение продолжилось после революции, когда оба комплексных объекта приспособились к новым, враждебным для себя условиям. Эволюция елки и иконы-киотки шла по схожему сценарию и в XX в., и в начале XXI в. В императорской России, СССР и на постсоветском пространстве — материальная и социальная биография этих очень разных объектов уже третий век выстраивается по сходным траекториям.

Библиография

- Антонов Д. И.* Икона-«гнездо». История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов Д. И.* Советские иконы и материальная религия эпохи коммунизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 7–26.
- Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.
- Антонов Д. И., Завьялова А. И.* Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.
- Голубев А.* Вещная жизнь: материальность позднего социализма / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Доронин Д. Ю.* Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100–135.
- Сальникова А.* История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку. М.: НЛО, 2011.
- Стерлигова И. А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Стерлигова И. А.* Икона как храм: пространство моленного образа в Византии и древней Руси // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 612–637.
- Цигаридас Е. М., Ловерду-Цигарида К.* Священная Великая обитель Ватопед — Византийские иконы и оклады / Пер с греч. Захаровой А. В. М.: ИП Верхов С. И., 2016.